

Жизнь и смерть

Проза Майкла Пура

Майкл Пур

БЛЮЗ ПЕРЕРОЖДЕНИЙ

Москва
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
П88

Michael Poore
REINCARNATION BLUES

Copyright © 2017 by Michael Poore

Перевод с английского *С. Чередова*

Художественное оформление *Р. Фахрутдинова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
М. Дорошенко

Пур, Майкл.

П88 Блюз перерождений / Майкл Пур ; [пер. с англ. С. Чередова]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-092893-4

Сначала мы живем. Затем мы умираем. А что потом, неужели все по новой?

А что, если у нас не одна попытка прожить жизнь, а десять тысяч? Десять тысяч попыток, чтобы понять, как же на самом деле жить правильно, постичь мудрость и стать совершенством.

У Майло уже было 9995 шансов, и осталось всего пять, чтобы заслужить свое место в бесконечности вселенной. Но все, чего хочет Майло, — навсегда упасть в объятия Смерти (соблазнительной и длинноволосой). Или Сюзи, как он ее называет. Представляете, Смерть является причиной для жизни? И у Майло получится добиться своего, если он разгадает великую космическую головоломку. Очаровательно-мрачный и динамично-веселый роман о жизни и смерти.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Чередов С., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092893-4

Пане и Барбаре

Глава 1

МАГ АПЕЛЬСИНОВОГО РИФА

Флорида Киз, 2017

Эта история мудреца по имени Майло. И день, когда он был съеден акулой, стал ее началом.

Денек предстоял славный. Майло проснулся до рассвета и, погрузив в шорты свое пятидесятилетнее тело, отправился медитировать на пляж. Его пес — крупная черная дворняга по кличке Бэрт, увязался следом.

Опустившись на сахарно-белый песок, Майло закрыл глаза и почувствовал теплый соленый бриз в своей бороде. Обратил внимание на жалобные крики вьющихся над прибоем чаек и на косичку, щекочущую затылок. Суть медитации именно в том, чтобы созерцать вещи, не задумываясь о них.

Майло, впрочем, не был безупречным созерцателем. Щелкнул ушком пивной банки и стал наблюдать восход.

Он размеренно дышал, представлял, что банка дышит вместе с ним. И как всегда, чем больше старался он избавиться от мыслей, тем больше в голову лезла всякая назойливая фигня (то он думал о большом пальце на ноге, то Франции). Еще о новой татуировке.

Прихлебывая свой завтрак, он обозревал голубую даль океана, где тот встречался с небом. Древнее сердце океана, его незыблемое безразличие наполняли сознание Майло, и он старался дышать в такт вечности — заснув, как положено, на пляже с пивом, в компании пса, пока волны не стали облизывать песок у его лодыжек.

Майкл Пур

Вероятно, он был самым паршивым в мире созерцателем, но ничего не имел против такого звания. Смирение относилось к числу качеств, делавших его мудрецом. Он побрел к дому за пакетом собачьего корма.

Акула, которой предстояло съесть Майло через несколько часов, была пока далеко. Патрулируя террасу рифа Сент Джеффрис, она высматривала ламантинов. Акула не задумывалась о том, что голодна. Просто невозмутимо плыла в глубинах океана.

Какое-то время Майло поработал в саду. После поиграл с псом и почитал про окаменелости. Провел двадцать минут в интернете за изучением идиотских видео, главным образом о проделках собак и кошек (как все мудрецы, он знал, что временное помешательство нормальное явление).

После чего на старом пикапе направился в госпиталь Святого Винсента, памятуя, что навещать больных — одно из важнейших занятий мудреца. Бэрт устроился на пассажирском кресле (научно установленный факт, что домашние питомцы полезны людям, и Бэрт, на свой лад, тоже был мудрецом, как и все животные).

Сегодня Майло и Бэрт навещали в палате 301 Арлен Эпштейн, умирающую от бремени ста прожитых лет. Войдя, Майло обнаружил ее спящей и с минуту просто смотрел. Больницы имеют неприятную особенность иссушать людей в ничто, подумал он. Глядя на хрупкое тело под больничной простыней, кто сказал бы, что Арлен Эпштейн была легендарным каскадером и барменом и утихомиривала буянов грубым очарованием вкупе с рукояткой хоккейной клюшки.

Бэрт забрался передними лапами на матрас.

— Майло, — зевнула Арлен. — Уже четверг?

— Суббота, — ответил он, опускаясь на колени.

— Всегда любила субботы, — вздохнула Арлен. — Хорошо бы в субботу и помереть, если удастся.

Блюз перерождений

— Только не в этот раз, — сказал Майло. — Выглядишь отлично.

— Замечательно, — ответила она, приподнимаясь и потянув его за бороду. — Тогда отведи меня на прогулку.

Режим Арлен не предполагал прогулок. Наклейка на двери сообщала о «риске падения». Игнорируя наклейку, Майло стырил ходунки из шкафчика в коридоре.

Каждый шаг у Арлен отнимал секунды три, меньше, чем у некоторых, и Майло всегда держался рядом, готовый, в случае чего, подхватить. Бэрт трусил вдоль стены, яростно принюхиваясь (больницы для собак лакомое место, если подумать о разных запахах, которые тебя постоянно преследуют).

Когда они преодолели футов десять, Арлен задала вопрос:

— Майло, знаешь, что происходит, когда мы умираем?

Он не мог с ней лукавить:

— Знаю.

Еще шаг. Второй.

— Ну и?

— Возвращаешься перерожденным.

Арлен обдумала услышанное.

— То есть другим человеком? — уточнила она.

— Или же собакой. Муравьем. А то и деревом. Вот Бэрт был в прошлой жизни водителем автобуса.

Старушка застыла.

— Это точно? — спросила она. — Давай без наебона. Я скоро откинусь, в субботу, и должна знать.

Только правду.

— Я живу уже десять тысяч лет, — сообщил он. — И я старше всех на Земле.

Арлен поймала его взгляд, неукротимо зеленый. Осталась довольна ответом. Отставила ходунки, обеими руками ухватила за руку Майло и прильнула к нему.

Они зашагали дальше.

Майкл Пур

— А *собой* я останусь? — спросила она.

— Разумеется, — сказал Майло. — Более или менее. Конечно, тебе предстоит совершенствование.

— Да, но мне так не хочется переродиться деревом.

— Ну, значит, и не надо.

Арлен потрепала его руку и сказала, что он хороший друг. Бэрт разнюхал на полу нечто сверхомерзительное и радостно лизнул. После Майло отправился поплавать и был бы съеден акулой, это было бы воистину великолепным финалом. Но вышло иначе.

Акула, неизменно голодная, полакомилась морским окунем с гарниром из плавучего мусора и сейчас кружила в проливе между островами, понемногу приближаясь к границе Апельсинового Рифа. В прошлой жизни акула сама была морским окунем. И еще Клубничной Королевой на одноименном фестивале 1985 года в Трое, штат Огайо. Во сне ей случалось вспоминать былые жизни. Но сейчас она плыла и голодала, плыла и голодала.

Рабочий день Майло еще не окончился. Как мудрец, он осознавал важность работы и ее громадную роль в том, чтобы оставаться человеком.

На жизнь Майло зарабатывал двумя способами. Он был рыбаком и проводником — это первый. Он владел рыбацким катером под названием *Дженни Энн Лаудермилк* (так звали одну очкастую, лишившую его девственности в незапамятные времена) и доставлял людей в места, где водилась рыба, за вполне сносные деньги. Приезжавших на рифы туристов можно смело доить.

Теперь Майло предстояло потрудиться в гавани, коротая время на борту *Лаудермилк* в ожидании, что кто-то выложит денежки за вечерний выезд. Хотя на самом деле он надеялся заняться серфингом, если прибой немного усилится. Побережье Флориды не считается меккой серфингистов, однако если поднимутся хорошие волны и ты знаешь места...

Блюз перерождений

Он стоял на палубе, лениво помахивая садовым шлангом и смывая птичий помет и засохшие рыбы потроха. Бэрт свернулся в кабине и наблюдал за мухами на ветровом стекле. Майло размышлял, боялась ли Арлен Эпштейн.

Смерть только дверь. Проходишь через нее снова и снова, и все равно люди боятся ее до жути. Такие мысли занимали его, когда в поле зрения возникло нечто пестрое и явно приезжее. Так и есть, турист. Коренастый дядька средних лет, с усами, в солнечных очках, неношенных яхтенных туфлях, футболке с нарисованной на фоне Апельсинового Рифа креветкой и в соломенной шляпе.

Тут Майло почувствовал непреодолимое желание забить на работу. Отчего бы в самом деле не заняться серфингом? Или поскучать за пивом в баре Бобо?

— Как, сегодня еще отплываете? — спросил турист.

Вот ведь, мать его так.

— За ваши деньги любой каприз, — ответил Майло.

— Почему?

От названной цены дядька оторопел. (О, проблеск надежды...)

— Слушайте, — предложил Майло, — подыщите в компанию пару-тройку ребят, и выйдет дешевле. Придете завтра утром...

Но турист не собирался откладывать.

— Нет, — сказал он. — Отплываем.

Майло протянул загорелую, покрытую татуировками руку:

— Забирайтесь.

Турист представился как Флойд Гамертсфелдер.

— Торгую коврами, — сообщил он.

— Супер, — ответил Майло, отвязывая швартовый канат.

Бэрт спрыгнул на берег и потрусил по направлению к дому. Ему не полагалось выходить в море.

Поймают ли они рыбу, для Флойда Гамертсфелдера было безразлично. Майло понял это, едва его увидев и распознав странные нотки в голосе продавца ковров. Половина клиентов Майло были такими же — готовые выложить круглую сумму за его время, топливо и снасти, искали они совсем не марлинов или желтохвостов.

Тут и был второй заработок Майло: мудрые советы. О нем ходила молва, и когда люди не могли разобраться в своих проблемах, то отправлялись к нему. Отчаявшимся или просто любопытным мужчинам и женщинам случалось обнаружить в кармане салфетку, где накорябано его имя, и они приезжали в городок Апельсинового Рифа, чтобы отправиться на рыбалку. Совсем как в комиксах, где герои карабкались в горы в поисках мудрецов, живые люди пускались в долгое путешествие, чтобы обсудить дела на борту катера Майло за стоимость полудневного круиза.

И, надо сказать, не напрасно. Когда живешь почти десять тысяч лет, в душе откладывается много знаний и опыта. В свою единственную душу Майло умудрился напихать столько, что эти груды знаний спрессовались в раскаленный штабель и трансформировались в мудрость, подобно тому, как уголь превращается в алмаз. Мудрость его прямо-таки царила.

Она лучилась в глазах подобно северному сиянию и проступала на татуированной коже, точно пустивший корни загар.

— На самом деле я хотел обсудить кое-что, — признался Флойд, когда они вырливали из бухты.

— Знаю, — сказал Майло.

Сразу за волнорезом *Лаудермилк* подхватил и опустил вал, из тех, что сулят хороший серфинг. Оставалось рассчитывать, что Флойд быстро выговорится.

Блюз перерождений

Терпение, напомнил его *боа*. И снисхождение.

Кивнув, Майло сложил мудру большим и указательным пальцами, открыл на полную дроссельную заслонку и лег на курс.

Флойд Гамертсфелдер оказался не из болтливых.

Расчет Майло, что суть таинственной проблемы разъяснится, пока они не отплыли слишком далеко, не оправдался. Объявив о желании поговорить, Флойд нахохлился и уныло разглядывал горизонт.

Что ж, неудивительно. Все требует времени. Люди пытаются решить глубоко личные головоломки, и чтобы открыться, нужно сперва покачаться на волнах. Заглянуть в бездонные глаза океана и услышать его хриплый просоленный голос.

Практически всегда Майло возил клиентов в одно и то же место. В часе пути, неразличимое с берега, о котором знал только он. На тридцатиметровой глубине он бросал якорь прямо на обломки давно затонувшей субмарины, искусственного рифа, где собиралась любая обитавшая в заливе живность.

— Здесь и мертвецу посчастливится с уловом, — говорил Майло клиентам.

Уже часа два они болтались над субмариной, вытаскивая бонито и солнечников.

Флойд распатронил прихваченную сумку-холодильник и достал каждому по пиву.

— Ты был женат, Майло? — спросил Флойд.

Значит, дела семейные. Восемьдесят процентов его второго заработка.

— Угу, — пробурчал Майло. (Девять тысяч шестьсот сорок девять раз.)

— Да, — сказал Флойд, — так вот, жена со мной не очень ласкова.

Майкл Пур

Майло сочувственно хмыкнул.

— Не изменяет, нет. Дело в другом. Как ни глупо звучит, ей даже в голову не приходит разок меня ублажить, пусть такой малостью, как вынести стакан лимонада, пока я подстригаю газон. Может, я старый зануда? Как там говорится про маленькие семейные радости? Мне их испытать не довелось.

Флойд запнулся. Майло не перебивал. Только потянулся закрыть заслонку, чтобы не тарахтел движок.

— Может, я с ней не ласков? — продолжал Флойд. — Черта с два! Мы вроде как хозяйничаем на пару, и не реже раза в неделю я все делаю за нее. Скажем, обед дома готовит она. А на прошлой неделе я взял и сделал спагетти, сюрприз, значит. Она и ухом не повела. Ух ты, гляди! Клюет!

Изрядный желтохвост схватил наживку Флойда, и пришлось возиться с ним с четверть часа.

Ветер понемногу крепчал. Внизу, между ржавых ребер старой субмарины, тысячи рыб наблюдали за изменчивой тенью *Дженни Энн Лаудермилк*, скользящей по морскому дну. А вдалеке, пока в миле отсюда, акула, которой выпало съесть Майло, преследовала косяк макрели вдоль океанского свала.

— А с другими жена полюбезнее? — спросил Майло.

— Не сказал бы, — ответил Флойд.

— В чем же, по-твоему, дело?

Выдохнув, Флойд признался:

— По-моему, она просто стерва. Всех вокруг ненавидит.

— Отчего тогда не развестись? — спросил Майло.

Флойд размышлял добрых пять минут.

— Я привык все взвешивать, — наконец сказал он. — Вот и подумал, может, повременить. Семья — дело серьезное. И может... — тут он в первый раз заглянул Майло в глаза, — может, на самом деле, *вновь постарать-*

Блюз перерождений

ся изменить все к лучшему. В нашей семье не растили шалопаев.

Майло тем временем что-то высматривал в море.

— Минутку, — попросил он, забросил приманку ооо-очень далеко, проследил всплеск и отсчитал до четырех. Резкий рывок, борьба, треск фрикциона — и громадная свирепая барракуда забилась в катере прямо у ног Флойда.

— Господи! — взвизгнул Флойд. — Ты спятил??

Барракуда извивалась (сплошь челюсти и острые клыки-кинжалы), разом исполосовала подвернувшийся резиновый шланг.

Флойд отчаянно заметался по катеру.

— Будь мужиком, — посоветовал Майло.

Барракуда подпрыгнула, клацнув пастью у самых рук Флойда.

— Пусть бесится, — продолжал Майло. — Ты же не старый зануда.

Барракуда разделалась с пустой пивной банкой и нацелилась на Флойдову лодыжку.

Как и многие, продавец ковров проявлял отвагу в безнадёжной ситуации. Он собрался с духом, наступил на рыбу, наклонился, крепко сжал ее двумя руками посредине и, не то крякнув, не то всхлипнув, швырнул за борт.

И остался дрожать и определяться, хватит ли смелости повторно обложить Майло.

— Проблема с барракудой не в том, что ты должен все взвесить, — сказал Майло. — Проблема в том, что это барракуда. И когда не хочешь быть с ней в одной лодке, кому-то приходится уйти.

Вот потому Майло и слыл непревзойденным мудрецом. Научить можно только наглядным примером, и никак иначе — в этом он оставался неизменным.

Флойд сел в рыболовное кресло. Через минуту он подал голос:

— Да.